

Лёжа в постели, вдовствующая императрица поправила волосы у висков и снова вспомнила о своих рано умерших детях. Тех, кого она любила, и тех, кого не любила. Но, так или иначе, они уже мертвы, а она будет жить ещё долго.

— Погасите свет.

Огни во Дворце Цынин погасли в одно мгновение, и казалось, будто вечная тишина окутала это место.

На следующее утро, после двух дней перерыва в занятиях, Жун Цзянь наконец снова отправился на учёбу.

Занятия в Покоях Янфу начинались на полчаса раньше, учились там усерднее, поэтому Жун Цзянь с трудом поднялся пораньше и, хотя очень спешил, всё равно опоздал.

Столы и стулья в Покоях Янфу были переставлены ещё прошлым вечером, слева поставили ширму. Те, кто был в курсе, уже знали, что принцесса теперь будет учиться именно там.

Но так как сама она ещё не появилась, никто не осмеливался обсуждать это вслух, все делали вид, что ничего не знают.

Когда Жун Цзянь пришёл, господин Сунь, преподававший стратегию, уже говорил около десяти минут. Он слегка поклонился, извинился перед учителем и перед сидящими учениками, а затем поспешно, с книгами в руках, прошёл за заранее подготовленную восьмистворчатую ширму, расписанную золотым лаком с изображением гор и рек, и сел на своё место.

Это произвело эффект разорвавшейся бомбы, заставив учеников оживлённо зашептаться.

Господин Сунь постучал деревянной дощечкой, и в кабинете постепенно воцарилась тишина.

— Пугать, приближаясь; побуждать, возвышая; доказывать, указывая; отвечать, подтверждая; блокировать, преграждая; смущать, запутывая — вот что называется стратегией.

Жун Цзянь заставил себя сосредоточиться на уроке. Отступать было некуда, он ведь не мог просто так вернуться в прежние Покои Нинши.

Господин Сунь, объясняя каждый раздел, вызывал учеников для дополнительных пояснений, и сегодня он постоянно вызывал Жун Цзяня.

В большинстве случаев Жун Цзянь честно признавался, что не понимает, иногда делился поверхностными мыслями, ничего не скрывая.

В отличие от тяжкого бремени «успешного ученика» в Покоях Нинши, здесь, в первый день учёбы, он мог позволить себе быть невеждой. Более того, если вначале он покажется немного глуповатым, это, вероятно, успокоит императора.

Он и правда не был специально подготовлен.

С трудом дождавшись перемены, Жун Цзянь чувствовал себя совершенно измотанным. Ему хотелось прилечь на стол, но он вспомнил, что ширма полупрозрачная, и нельзя позволять себе такую вольность, поэтому лишь упёрся подбородком в ладонь.

Неожиданно кто-то постучал по деревянной стойке ширмы. Жун Цзянь поднял голову и увидел с другой стороны ширмы тёмную массу — толпу учеников.

Похоже, одноклассники очень заинтересовались новой ученицей — принцессой Жун Цзянь.

Жун Цзянь не мог отказать им во встрече, поэтому велел отодвинуть одну створку ширмы.

Тот, кто стоял впереди, сложил руки в приветствии и сказал:

— Приветствую Ваше Высочество.

Жун Цзянь, используя фальшивый голос, ответил:

— Мы все ученики этого кабинета, не стоит быть столь церемонными.

Затем один за другим ученики начали представляться.

Те, кто удостоился учиться во Дворце Тайпин, конечно, были лучшими отпрысками знатных семей. Третий сын из второго дома герцога Эньбо, третий сын заместителя министра ритуалов, двоюродный брат из семьи старшего советника... Жун Цзянь не старался запомнить всех, да и способность различать лица у него была не ахти, так что после представления всех он запомнил лишь несколько имён, да и те не мог сопоставить с лицами.

Это был дружеский обмен любезностями между новыми знакомыми, но вдруг господин Сунь, сидевший на кафедре, громко кашлянул.

Он отчитал учеников:

— Хотя сейчас и перерыв, почему вы, не уделяя внимания учёбе, так шумите и создаёте суматоху?

Вокруг мгновенно воцарилась тишина.

Отчитав учеников, господин Сунь, казалось, смягчил тон, но на самом деле его слова были направлены на Жун Цзяня. Он тяжело вздохнул:

— Ваше Высочество, вы, конечно, занимаете высокое положение, но всё же женщина. Как можете вы встречаться с мужчинами?

Жун Цзянь на мгновение опешил.

Во время урока он чувствовал недоброжелательность и намеренные придирки господина Суня, но тот был учителем, а он учеником, вопросы были в порядке вещей, поэтому он не придавал этому значения.

Ещё вчера старый учитель Чэн говорил ему, что этот господин Сунь — старый педант из Ханьлинь, очень образованный, но упрямый, со странным характером, и ему явно не хватает здравого смысла.

Жун Цзянь думал, что он похож на учителя Ци, и не обратил на это внимания.

Но оказалось, они совершенно разные.

Этот господин Сунь принял скромность Жун Цзяня за уступчивость и, нагляя, начал строить из себя наставника.

Он продолжил:

— Женщина всегда остаётся женщиной. Ваше Высочество, ваше поведение крайне неуместно, оно нарушает порядок в кабинете и попирает этические нормы.

Вокруг воцарилась мёртвая тишина.

Характер у Жун Цзяня был не из худших, но и позволять собой помыкать он не собирался. Он встал, поправил складки юбки и вышел из-за ширмы.

— О? — переспросил он.

Господин Сунь не ожидал, что Жун Цзянь выйдет, и их взгляды невольно встретились.

И тогда принцесса произнесла:

— Хотя я и женщина, но все здесь — ученики, и у нас одна цель — учиться. Никакой иной разницы нет. Если же говорить о различиях между мужчиной и женщиной, то нельзя не упомянуть и о различии в статусе.

Господин Сунь тоже заволновался и, поднявшись, стал спускаться вниз.

Жун Цзянь же неторопливо произнёс:

— Если говорить об этических нормах, господин Ханьлинь, как вы смеее смотреть на меня прямо?

Услышав это, даже те несколько молодых господ, что держались в стороне и не примкнули к толпе, изменились в лице.

Никто не ожидал, что принцесса окажется такой резкой.

Они были мужчинами, и хотя находились в одном дворце, видели принцессу самое большее несколько раз в году на крупных церемониях. А репутация принцессы всегда была безупречной: кроткая, добрая, почтительная и бережливая, она относилась к людям с мягкостью, хорошо понимала, что многословие ведёт к ошибкам, и всегда была молчалива. Хоть она и была подобна высокопоставленному украшению, но ошибок не совершала, и весь запретный город отзывался о ней с похвалой.

Но сегодня всё было иначе.

Жун Цзянь опустил взгляд, смотря свысока на господина Суня, стоявшего в нескольких шагах, и тот не решался встретиться с ним глазами.

Этические нормы, отношения между правителем и подданным, отцом и сыном — ничто не могло сравниться по важности с императорской властью.

Если бы Жун Нин не умерла внезапно, она, вероятно, стала бы наследной принцессой и взошла на престол.

Господин Сунь, однако, не сдавался и, казалось, собирался продолжить спор, апеллируя к словам мудрецов, как вдруг кто-то произнёс:

— Ваше Высочество совершенно правы.

Все обернулись на голос и увидели человека, входящего через дверь. Он был высок и худощав,

одет в синий халат, без лишних вещей, и продолжил:

— Учитель должен одерживать верх разумом и поступать по справедливости, лишь тогда его будут почитать. Господин Ханьлинь, если вы придерживаетесь личных убеждений и не можете убедить других, то Ваше Высочество имеет полное право возразить, опираясь на разум.

Господин Сунь обернулся и с ещё большим негодованием спросил:

— Ци Цзэцин, разве ты не преподаёшь в Покоях Нинши? Что ты здесь делаешь?

Ци Цзэцин спокойно ответил:

— Учитель Чжу занят делами, и я временно заменяю его, преподавая «Цзо чжуань».

Ци Цзэцин тоже был учёным Ханьлинь, должность занимал невысокую, но он был личным учеником старого учителя Чэна, и его статус среди чистой интеллигенции был весьма особенным. Господин Сунь всегда его недолюбливал:

— А где твои книги?

Ци Цзэцин махнул рукавом, и в его тоне прозвучала лёгкая дерзость:

— Я обычно не пользуюсь книгами на уроках. Если бы в моей груди не было ни капли чернил, как бы я посмел вводить в заблуждение учеников?

Жун Цзянь вдруг вспомнил, что Ци Цзэцин и правда никогда не приносил с собой книг, когда преподавал в Покоях Нинши.

После этого обмена репликами благовония, зажжённые в начале перемены, почти догорели.

Ци Цзэцин сделал несколько шагов вперёд:

— Уже время начинать урок, прошу всех занять свои места.

Господин Сунь не мог продолжать спор с Ци Цзэцином у всех на виду, это было бы недостойно, поэтому он ушёл, раздражённый.

Что касается Жун Цзяня, он не слишком задумывался об этом. В первый же день учёбы поссориться с учителем... Он ведь не хотел этого.

Так или иначе, учитель Ци начал следующий урок по «Цзо чжуань». Его манера преподавания не изменилась: он говорил без запинки, на все вопросы находил ответы, задавал вопросы по очереди, но пропустил Жун Цзяня. Это не было проявлением снисхождения — обучение должно идти постепенно, принцессе, только начавшей учиться, не стоит торопить события.

Жун Цзянь провёл весь день в умственном напряжении, а вернувшись во Дворец Чанлэ, снял макияж, умылся и сразу рухнул в постель.

Вероятно, из-за словесной перепалки с господином Суня в первый день, о которой прослышали другие учителя, даже самые упёртые старые педанты больше не осмеливались придирается к Жун Цзяню, и преподавание шло как обычно.

Жун Цзянь учился с огромным трудом, многого не понимал, но боялся задавать вопросы учителям, чтобы не выдать своё невежество.

Всё это он записывал, чтобы позже спросить у Мин Е.

Однажды он даже украдкой спросил Мин Е, не хочет ли тот помочь ему переписать книги. Мин Е ответил, что он слушает уроки снаружи и, вероятно, сможет помочь Жун Цзяню с объяснениями.

Жун Цзянь проникся глубоким уважением, почувствовав, насколько велика разница между людьми.

Мин Е всегда учился сам.

Проучившись несколько дней в Покоях Янфу, Жун Цзянь вспомнил ещё кое-что.

[Примечание автора]:

В следующей главе — преследование Цзянь Цзяня (.

«Пугать, приближаясь... вот что называется стратегией» — «Гуйгу-цзы».

<http://bllate.org/book/16310/1471430>